

В конце концов щенка они не взяли, так как Цинь Ичэнь сказал, что они скоро будут заводить детей, и держать собаку в доме будет неудобно — это утомит его жену.

После того как они покинули парк, оба вернулись в машину и направились в отель, который Цинь Ичэнь забронировал заранее. Скоро должен был наступить последний шаг, о котором говорил Цинь Ичэнь — «сон».

Цинь Ичэнь всегда был щедр, когда дело касалось бронирования номеров, и не жалел денег. Президентский люкс в пятизвёздочном отеле стоил тридцать тысяч юаней за ночь. Для него это не было проблемой, но Цю Лин чувствовал некоторую жалость к потраченным деньгам.

Внутри люкса всё было подготовлено специально для них. На огромной кровати размера king size лежали розы, а у панорамного окна находился большой круглый бассейн, напоминающий маленький термальный источник. Вода в нём уже была налита, а на поверхности плавали ярко-красные лепестки роз.

Отель располагался в оживлённом деловом районе, и их люкс находился на двадцать пятом этаже. Стоя у окна, можно было наслаждаться ночным видом на реку, где огни города сверкали, как серебряные звёзды.

Однако у Цю Лин не было времени насладиться видом, так как его нетерпеливый муж обнял его сзади.

Цинь Ичэнь действовал быстро и ловко, за несколько мгновений снял с Цю Лин всю одежду, бросил её рядом с бассейном и с удовольствием рассматривал обнажённое тело омеги.

У Цю Лин было мало мяса, он выглядел худым и немного жалким. Старые шрамы на его теле уже почти зажили, кожа была гладкой и безупречной, как сливочно-белый крем. А на груди два нежно-розовых соска были украшены парой серебряных колечек — их Цинь Ичэнь надел на него лично. Каждый вечер перед сном он засовывал руку в пижаму Цю Лин, чтобы потрогать и потянуть их, проверяя, не снял ли он их.

— Тебе действительно нужно больше есть, Линлин, — обняв его за талию, Цинь Ичэнь поцеловал железу на его шее и шутливо добавил:

— Ты такой худой, это будет тяжело, когда ты забеременеешь.

Цю Лин потер кончик носа, его щёки слегка покраснели.

— ...Я понял.

Цинь Ичэнь обнял его и погрузился вместе с ним в горячую воду. Он наклонился и взял в рот мягкий сосок Цю Лин, начав лизать и сосать его, одновременно мня полные ягодицы жены, используя крайне непристойные приёмы.

— Мм, муж... полегче, — тело Цю Лин было слишком чувствительным, и от ласк он уже начал смачиваться. Он вытянул шею и тихо взмолился.

— Врёшь, тебе нравится, когда я делаю это сильнее, — Цинь Ичэнь усмехнулся и усилил натиск, сняв оба колечка и положив их в сторону. Он вцепился в нежную грудь Цю Лин и начал лизать отверстия, проделанные в сосках.

Обычно во время секса прелюдия Цинь Ичэнь была грубой и поспешной, но сегодня он был

необычайно терпелив. Он довёл Цю Лин до оргазма пальцами, а затем, пока тот ещё был в состоянии эйфории, вставил свой уже твёрдый член, вместе с прилипшими к нему лепестками роз, глубоко внутрь, словно пытаюсь раздавить их, и начал яростно двигаться.

Цю Лин всхлипнул, и с каждым толчком из его губ вырывались нежные стоны.

Цинь Ичэнь крепко держал его за талию, прижимаясь к уху и страстно шепча:

— Линлин... жена... малыш...

Он чередовал эти слова. Его член, однако, не проявлял никакой жалости, грубо пробивая хрупкую шейку матки.

— Ичэнь, Ичэнь... так глубоко, слишком глубоко... — уголки глаз Цю Лин, окрашенные желанием, покраснели, а в его красивых чёрных глазах скопились прозрачные слёзы. Цинь Ичэнь вошёл так глубоко, что его живот слегка распирало, но он не мог остановиться, крепко держа альфу за спину, оставляя на ней красные царапины ногтями.

Они погрузились в горячую воду, полностью отдавшись инстинктам, и страстно переплелись.

— ...Линлин, роди мне ребёнка, — перед тем как снова достичь оргазма, Цинь Ичэнь хрипло прошептал, целуя ухо Цю Лин:

— Я хочу увидеть, как ты беременеешь ради меня.

— Мм, я забеременею, рожу тебе ребёнка... — Цю Лин был настолько одурманен, что почти не мог думать, и лишь машинально кивал на всё, что говорил Цинь Ичэнь.

Цинь Ичэнь вошёл в его матку, выплеснув внутрь густую сперму, заполнив Цю Лин до краёв.

После этого они оба прислонились к стенке бассейна, обняв друг друга, чтобы восстановить дыхание.

Член Цинь Ичэнь всё ещё находился внутри него, и Цю Лин чувствовал лёгкую тяжесть в животе, поэтому он начал капризничать, прося Цинь Ичэнь вынуть его.

— Нет, — Цинь Ичэнь сразу же отказал:

— Ты забыл, что только что обещал мне?

Цю Лин, наполненный спермой, начал клевать носом и, прислонившись к плечу Цинь Ичэнь, сонно пробормотал:

— В любом случае, обычно трудно забеременеть, если и получится, то только во время следующей течки...

Не успев закончить фразу, он уснул.

В эту субботу в детском саду, где работала Цзи Сямин, организовали мероприятие. Воспитатели повели детей в авиационный музей города Д. Утром Ся Юй отвёз ребёнка в детский сад, проводил её до автобуса, где она села вместе с друзьями, а затем отправился пешком в тот самый парк.

Он специально взял с собой блокнот для набросков и карандаш, чтобы продолжить рисовать.

Однако, пройдя половину пути, он встретил Цю Лин, который только что вышел из аптеки.

— Ся Юй! Какое совпадение, — Цю Лин, казалось, был в хорошем настроении и сразу же поздоровался с Ся Юй, увидев его:

— Ты сегодня тоже везешь Минмин в детский сад?

Ся Юй ответил:

— Сегодня в детском саду коллективное мероприятие, я отвёз её до места сбора.

— Что-то с тобой не так? — Ся Юй, заметив, что он только что был в аптеке, решил уточнить.

Цю Лин потрогал карман, где лежали леденцы для горла, слегка смущённо потер кончик носа и сказал:

— Погода слишком сухая, у меня немного першит в горле, поэтому я купил леденцы.

Конечно, настоящая причина, по которой у него болело горло, заключалась в том, что в четверг вечером он слишком бурно провёл время с Цинь Ичэнь в отеле и сорвал голос.

Ся Юй, услышав, что его голос действительно хриплый, не стал сомневаться, а лишь доброжелательно посоветовал:

— Осень в городе D действительно сухая, не забывай пить больше горячей воды.

Сказав это, он сам понял, что его слова звучат как типичный «альфа-комментарий», поэтому добавил:

— Я не просто так это говорю, правда, горячая вода не может вылечить все болезни, но она точно полезна для здоровья.

Если бы Ся Юй не добавил это последнее предложение, Цю Лин бы не обратил на это внимания, но после объяснения он нашёл его серьёзность немного забавной.

— Да-да, я понял, спасибо за совет, — Цю Лин не смог сдержать улыбку, на его щеках появились две маленькие ямочки.

Человек, который был таким же милым, как ребёнок, талантливый певец... Как он превратился в измученную жизнью домохозяйку? Ся Юй с грустью вздохнул про себя.

Цю Лин, увидев, что альфа держит в руках блокнот и карандаш, спросил:

— Ты куда идёшь? Возвращаешься в район?

— Я собираюсь пойти в парк, чтобы немного порисовать, а потом встретить Минмин, когда она вернётся, — объяснил Ся Юй.

Парк находился недалеко от детского сада, до него можно было дойти пешком примерно за восемь минут.

— Оказывается, ты умеешь рисовать! — Цю Лин, казалось, открыл для себя что-то новое, и в его чёрных глазах загорелся восхищённый блеск:

— Это так здорово! Ты учился этому?

Ты действительно талантлив, ведь пишешь такие утешительные песни, твой голос звучит, как трели жаворонка, — подумал Ся Юй, глядя на него.

— Я был в художественном кружке в университете, так что можно сказать, что учился, но это не профессионально, — Ся Юй улыбнулся, но в его сердце возникла горечь:

— Рисование — это просто моё хобби, ничего особенного.

Он не мог зарабатывать на жизнь созданием иллюстраций, поэтому это оставалось лишь увлечением.

— Люди, которые могут делать то, что я не могу, всегда кажутся мне удивительными, — Цю Лин слегка улыбнулся:

— Когда я был в университете, я всегда завидовал студентам художественных факультетов, которые могли брать мольберты и выезжать на пленэры. Это выглядело так радостно и свободно. Во время практики на первом курсе мы сидели в аудиториях и делали проекты, а они могли ездить в живописные места.

— Сидя в поезде, проезжая через зелёные террасы, бурные реки, направляясь к горным цепям... — голос Цю Лин становился всё тише, почти переходя в шёпот, а в его глазах появилась грусть.

Когда человек вспоминает то, что он потерял, он всегда идеализирует это в своём сердце. Цю Лин, запертый в клетке, мечтал обо всех, кто обладал свободой.

<http://bllate.org/book/16183/1451750>